

Максим Евсеев

Пыль

повесть

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Максим Евсеев

Пыль

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Евсеев М. С.

Пыль / М. С. Евсеев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Это фантастическая история о настоящем, прошлом и о тех, кто чувствует себя лишним. Содержит нецензурную брань.

Вы никогда не задумывались, куда исчезает человек, с которым вы только что встретились взглядом?

В толпе, в вагоне метро, проезжая мимо остановки автобуса, вы видите людей – вот он есть и вот он уже пропал. Ваш поезд увез вас, а он остался стоять на перроне или двинулся вместе с толпой дальше по своим делам. Сколько таких людей встречаете вы... Но часто ли вы смотрите им в глаза? А они, поднимают ли свои глаза вам навстречу? Если это случилось, если вы ваши глаза встретились – не отводите взгляда. Возможно это не агрессия, не досужее любопытство или желание склеить вас – возможно это крик о помощи. Но вы этого не замечаете.

Раньше я тоже этого не замечал.

Не умел отличить одно от другого и в каждом таком взгляде я видел конфликт, равнодушные или готовность познакомиться.

Впрочем, так мне было гораздо легче и проще.

Так всем гораздо легче и проще.

Пока однажды не станет невыносимо.

Да....

А есть другие.

Их глаза вам не увидеть.

Из этого мира – нет.

Глава первая

Верующие люди считают, что Бог никогда не даст испытаний больше, чем человек может вынести. Я верю. Верю, этим верующим людям и их книгам, в которых это написано, я верю даже в Бога, но мне кажется, что перестал верить в то что я человек. Тот, про которого это написано. Наверное, я какой-то другой человек. Про меня в умных книжках не сказано ни одного доброго слова ибо, если бы такое слово было бы сказано, то я хотел бы его услышать. Лучше бы прямо теперь. Или есть еще время?

И вот видится мне дворец или замок, и мелькают в окнах тени, слышится музыка и кажется, что праздник там не кончается никогда, кажется, что если и есть где мне счастье, то найдется оно непременно там. Там, где нарядные кавалеры и их прекрасные дамы танцуют всю ночь напролет, не задумываясь о том, нужно ли им ещё что-то от жизни. Там влюбляются и читают стихи, там вздыхают провожая и смеются встречая. Там нет дня без солнца и ночи без мерцания свечей...

Только что же мне так больно теперь? Чем я так провинился, что болят мои ребра и так страшно прикоснуться к моей голове. Но кто-то ведь прикасается к ней раз за разом и мне хочется плакать от боли и ужаса. Только что толку в слезах? Никому нет до них дела.

– Ты убьешь этого пидора, и его дохлое обосранное тело придется тащить на себе. Ты потащишь сам?

– Не пизди, не сдохнет он. На хуя его вообще тащить?

– Здесь оставим? Ты ебанутый?

Нет такой загадки вселенной, которую не решит человеческий мозг, если только дать ему свободу и позволить разуму воспарить. Меня били – это было для меня так же очевидно, как и переплетение шнурков на моих ботинках. Хотя может последнее и вызывало ещё некоторые вопросы, а вот факт моего избиения этих вопросов не вызывал.

И мои ребра еще раз взвыли от боли.

Так же меня не интересовало кто именно калечит мое тело, за что, и какие преследует мотивы. Все это не интересовало меня ни капельки.

– Ну что, уёбок, хорошо тебе? Чё ты молчишь? Ты же любишь попиздеть...

– Ты сам-то не пиздел бы ...

Кажется, гоблины над моей головой ругались. На какое-то время боль стала отступать, а я погружаться в спасительное беспмятство. Впрочем, сознания я не потерял (есть у моего организма такая странная особенность), я лишь замечтался.

Мне представилась зеленая трава, целые луга зелёной травы, покрытые этой травой холмы и овраги. И шла по этой траве девушка с рыжими волосами... Или не рыжими? А может волосы голубые. Или голубыми они стали от того, что голубые круги плыли у меня в глазах.?

Что уж мне та девушка? И что ей я? Почему я мечтаю о ней? Но девушка с рыжими или любого другого цвета волосами, идущая по зеленой траве, это лучше чем то, что окружает меня обычно. Это гораздо лучше, чем то, что окружает меня сейчас. Лучше же я буду мечтать и смотреть на эту чудную зеленую траву, на эти холмы и замок вдалеке. Замок? Раньше его не было. Но теперь я ясно вижу его на холме. Она идет к нему, к этому самому замку.

– Заканчивай уже...

Да, гоблин прав, надо заканчивать.

Его нога была перед самым моим лицом. Нога в мягких спортивных штанах. Этой ногой он бил меня по ребрам, эту ногу в кроссовке на толстой подошве он ставил до этого на мою голову и эту же ногу гоблин теперь оставил без присмотра у моего лица. Ну что же, значит так тому и быть. И не раздумывая больше не секунды, я обхватил эту ногу в районе голени руками и изо всех сил укусил. Гоблин даже попробовал было засмеяться, но очень быстро даже до его тупой башки донесся нервный импульс, идущий от терзаемой голени. И в голове гоблина запела страшная песня боли.

– Мать твою, – завопил он, – Он блять... Ебаный в рот ... Он же... Пиздец же...

Ему не хватало слов объяснить, что он чувствует в этот момент.

Его товарищ остолбенел на какое-то время, а потом совершил самую роковую в своей жизни ошибку: он засмеялся. Ему показалось это самым подходящим в данной ситуации. Действительно, что может быть смешнее, когда твоего товарища кто-то кусает за ногу. Ситуация была неожиданной. Она и не могла быть иной, потому что только внезапность, нелогичность и абсурдность моего поступка позволили ей, этой ситуации, состояться. Все логичные варианты эти гоблины предусмотрели и были к ним готовы. Тот которого я укусил даже железный прут в руках держал, на всякий случай. Именно такой случай и наступил, когда я вцепился ему в ногу. Правда ударил он не меня. Этот придурок обиделся на товарища. Сильнее боли этот громила, мастер какой-то борьбы или еще чего-то в этом роде боялся попасть в смешное положение. К боли его приучило спортивное прошлое, а вот смеялись над ним, видимо, редко и в тот момент когда в его мозг поступал сигнал боли, его самолюбие получило другой сигнал, мозг не приученный думать, но привыкший слушаться инстинктов самоустранился и позволил обиде принимать решения. Наверное, ему и впрямь стало легче, когда он проломил голову своему напарнику. Потому что орать он точно перестал, а я, видимо услышав ужасно неприятный хруст и решив, что голову только что проломили мне, разомкнул челюсти. "Чего теперь-то": подумал я и приготовился умирать. Но поскольку ребра болели все так же и голова болела тоже, то я резонно рассудил, что пока мне придется продолжать существовать на этом свете. А приняв этот факт, я решил существовать максимально продуктивно и поднялся на ноги, раз уж меня больше не били. С высоты своего нынешнего положения моему взору представилась следующая картина: на траве лежала темная куча, похожая на мертвого гоблина, а вторая куча сгорбилась перед лежащим и зачем-то вертела его окровавленную голову, все время повторяя одну и ту же фразу: " Не, ну на хуя я это???..."

Следовало, наверное, сделать что-то более подходящее ситуации. Например, найти валяющийся железный прут и раскроить еще одну голову. Но вместо этого я просто побежал. Через какое-то время гоблин сообразил, что меня не стоит отпускать и рванул вслед за мной, но он был мастером не того спорта, да и давно это было, а вот я очень сильно хотел убежать.

Мне кажется, что если не задумываться о том, куда бежишь, если не держать в голове цели, а лучше, если этой цели не иметь вовсе, то бежать получится быстрее.

И я бежал очень быстро.

Не было в этой реальности человека, который настолько был неприкаян и бесцелен.

Спортсмен во время соревнований видит впереди пьедестал, вырвавшийся из тюрьмы узник видит безопасное укрытие, а я не видел своего будущего. Я просто бежал.

Настолько просто, что реальность, с которой я не хотел иметь ничего общего стала размываться и терять внятные очертания. Она выкидывала меня эта реальность, гнала прочь, как уставшая от отношений женщина, которая наговаривает на себя, чтобы избавиться от опустылившего любовника.

В нос мне ударил резкий запах пыли, и я понял, что опять провалился за подкладку.

Пейзаж был очень знакомым. Опять недостроенный дом, но здесь никогда ничего не достраивают. Зачем они строят? Зачем берутся и не успевают? Они не знают. Они не понимают, что с ними. Впрочем, мы – тоже.

Когда я впервые попал сюда, то первым делом услышал крик. И теперь кричат. Но я уже не пугаюсь. Тот который кричит, испуган за нас обоих. Но я ничем не помогу ему. Надо понять, где я оказался. Немедленно надо понять и выбрать направление куда идти или, если понадобится, бежать. Они неторопливы, но не медлительны и если они не поймали меня, то только потому что я был достаточно напуган и быстр.

Вот бойлерная – её надо обойти справа и за ней будет небольшой подъём и дом на возвышении. Только мне туда не надо, мне нужно назад. Там за моей спиной должна быть дорога и если бежать, то лучше по этой дороге: по ней можно разбежаться и набрать скорость, набрать её столько, что кажется вот-вот и взлетишь – я так уже делал, не помню когда, но точно делал. Но я почему-то не иду к этой дороге, а иду вокруг небольшого здания бойлерной, поднимаюсь вверх и иду мимо этого девятиэтажного дома. Как странно, что я теперь здесь. Странно потому, что не должно быть этого дома за подкладкой, он должен оставаться там, наверху, где ещё осталось жизнь, где играют радостные краски дня, а не под серой подкладкой бытия. Но он – вот. Он по левую от меня руку: с пятью подъездами, с детской площадкой напротив. Зачем же я иду по этой дорожке между домом и гаражами? Эти гаражи давно снесли и на их месте стоит новострой. Но вот же они: старые покрытые пылью и ржавчиной.

Опять голос. Только это не крик, а плач. На этот плач я и иду. Но зачем он мне? Чем поможет? И чем могу помочь я?

Как всё здесь походит на сон. Но я не сплю! Надо об этом помнить иначе – смерть. Плач доносится откуда-то со стороны гаражей. Я остановился и стал поворачиваться вокруг своей оси – вот дом, который еще не ушёл за подкладку, я это знаю наверняка, я видел его несколько недель назад на той стороне. Он выглядит вывернутым наизнанку, но между мной и домом – граница. Значит меня накрыла волна, которая вот-вот отступит и меня либо утащит на глубину, либо выбросит вверх. Мне нужна скорость. Мне нужно вернуться на дорогу пока проход к ней свободен. Опять плач.

Я тряхнул головой и побежал в сторону гаражей. Местность была знакомой: надо только пройти мимо стоянки и залезть на скользкий пригорок и там в земле должно быть дыра в земле, спуск в колодец, а дальше тоннель, который тянется под землёй, до проспекта. Но раз я слышу звук, то вряд ли тот, кто теперь плачет внизу, ушёл далеко. Скорее всего он не рискнул двинуться в темноту тоннеля, а остался прямо под люком.

Так и есть: открытый люк и круглый черный проход – надо вниз. Я спустился по железной лесенке и увидел нечто маленькое сжатое в комочек и спрятанное под кучей намотанного на него тряпья.

– Руку.

Оно не реагировало.

– Дай мне руку, или ты умрёшь, – сказал я, как можно членораздельнее и спокойнее.

Наверное, это ребёнок. Непонятно какого пола, но похож на подростка.

– Дай мне пожалуйста руку, – повторил я, добавив каких-то ласковых или просительных интонаций.

И только успев проговорить это я услышал звук – страшный, похожий на свист вдох. Это означало, что времени осталось очень мало. Этот звук заменял им охотничий клич или сигнал атаки, таким вздохом они отмечали, что почуяли добычу и начинают идти по следу.

На переговоры не было времени и надо было что-то делать, а варианта было только два: либо бежать одному, либо тащить этот бесформенный комок на себе. Но на руки я его взять не мог, потому что мне сейчас надо будет вылезать наверх по железной лестнице и без рук этого сделать я не смогу. Порывав в куче тряпья намотанном на нём, я нащупал тонкое хрупкое предплечье. Аккуратно, но сильно я сначала вытянул это предплечье из под одежды, а потом всё ускоряясь начал тянуть его на себя, надеясь, что все остальное не станет упираться, а последует за мной: без его помощи вытянуть это, пусть не совсем взрослое тело наружу, было бы проблематично.

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – твердил я без остановки, убеждая и подбадривая существо подниматься за мною наверх. Оно меня слышало и, соскальзывая и хныча, но поднималось вслед за мной. Помогать себе я мог только одной рукой, но всё-таки вылезли мы довольно шустро – меня подгонял страх, а существо подгонял я. Когда мои ноги оказались на твердой земле, я вытянул то ли мальчика, то ли девочку на поверхность силой, с силой же опустил на землю и, не отпуская его руки, коротко рывкнул.

– Теперь бегом!

И тут же устремился сам.

Если я не ошибаюсь, то мёртвый сейчас идет тем же путём, которым входил во двор и я – через границу ему нельзя – и чтобы выйти на дорогу не столкнувшись с ним, мне надо спуститься вниз во двор и обойти девятиэтажку с другой стороны. Это если я не ошибаюсь, а если все – таки ошибаюсь, то нам конец, потому что проход с той стороны узкий и нам никак не разминуться.

– Бегом, мой хороший, – ласково поторапливал я своего спутника.

Его рука была тёплой, настоящей и живой – тление его еще не коснулось – и мне показалось, что я понимаю зачем полез за ним – мне нужно было касание его теплой руки.

– Давай побежим быстрее? – сказал я, как бы предлагая игру, и голова, закутанная тряпьем, кивнула.

И мы побежали. Мы обогнули стену, слегка коснулись границы и нам осталось-то несколько шагов, когда я снова услышал этот чавкающий вздох. В ту же секунду ноги у ребёнка подогнулись, и он рухнул на асфальт. То ли этот звук так пугает живых, то ли он как-то физически воздействует на жертву, но когда слышишь этот звук, то очень сложно устоять на ногах. Я устоял, а ребёнок – нет.

Глава вторая

– Поднимайся, – прошептал я, потому что приближение мертвого действовало и на меня тоже. – Поднимайся, иначе он ...

Я не знал какими словами описать то, что они делают со своими жертвами.

С другой стороны, я не был уверен, что это вообще стоит делать теперь: ребёнок был напуган и пугать его ещё больше не имело смысла – его и так почти парализовало от ужаса. Но что делать? Накричать на него, если это мальчик или пообещать, что все будет хорошо, если это девочка? На выяснение его половой принадлежности не было времени, а у меня заканчивались силы, чтобы бежать с ним на руках. Я обернулся в сторону мёртвого. Обернулся мельком, как

будто мазнул взглядом по пространству, ни на чем не останавливая этого взгляда, потому что смотреть мёртвому в глаза или на его раззявленный рот нельзя. Обернулся и увидел только его черную тень в выходящую из-за угла. “Быстро он, однако” – его появление во дворе было для меня неожиданностью, но и подтолкнуло меня к принятию решения: я сграбастал ворох одежды, в котором плакало человеческое существо, подбросил на руках (откуда только силы взялись), чтобы перехватить поудобнее и был немедленно за это вознаграждён – мои руки прошлись по его тёплой спине и силы ко мне вернулись. (Видимо, поэтому я и пошел на плач, понимая, что это нужно мне не меньше, чем ему). – Ну, держись, – проскрипел я.

Голоса почти не было, а орать хотелось. И не просто орать, а поднять своим криком пыль, чтобы она взметнулась над асфальтом, чтобы ветки мертвых деревьев ломались пополам и падали вниз.

– Можешь закричать? – спросил я существо непонятной гендерной принадлежности, которое замерло у меня на руках.

Существо отрицательно закурило головой и немедленно заплакало.

"Хорошо!" – пронеслось у меня в голове: "Пусть плачет, значит силы возвращаются"

И я побежал. Не уверен, что со стороны это было похоже на бег, но переваливаясь и подбрасывая на ходу куль одежды с чем-то живым внутри, я передвигался в пространстве и передвигался быстрее чем нечто темное, мертвое состоящее из пыли и праха, идущее за нашими жизнями.

"Главное чтобы дорога была свободна" – подумал я в последний момент, огибая дом.

Не уверен, что я и теперь понимаю по каким законам живет пыль, не уверен, что я правильно осознаю, что со мной происходит, причём происходит и здесь, и там, но какие-то мои наблюдения и выводы позволяют мне вести себя так, чтобы мои глаза не помертвели и я всегда возвращался в мир живых. Ну, пока, во всяком случае.

Итак, подкладка прошла рябью, и волна выбросила меня сюда к дому моего детства. С подсознанием и детскими обидами – это, как мне кажется не связано, но привязка каждого из нас к какому-то месту играет важную роль для ткани бытия. От этой точки к нам тянется нитка и, проваливаясь за подкладку, очень велик шанс оказаться там к чему эта нитка крепится. Сейчас было важнее другое – как поведёт себя волна: выбросит ли она нас наружу или утянет за собой?

Что бы выскочить наружу мне нужна была скорость, но как разбежишься, когда на руках вот это вот. Существо было тяжеловато и еще оно вцепилась в меня и ноги его трепыхались на ходу. Я уже давно привык, что спонтанные решения лучше обдуманных и поступил немного жестоко, но вполне оправдано: я распрямил правую руку, которая удерживала нижние конечности существа, чтобы эти конечности с громким стуком коснулись асфальта, но левой крепче схватил в районе подмышки и неожиданно нащупал там, что-то мягкое.

"Всё-таки девочка" – мелькнуло у меня в голове. Хотя этого мягко было довольно, чтобы называть существо барышней.

Когда её ноги коснулись земли, я схватил её за руку и рванул за собой. Теперь у нас был четыре ноги и скорость мы могли развивать значительную.

Для пущевого эффекта я заорал, но получилось не очень – вышел из меня эдакий сип с кашлем, зато существо от столкновения с поверхностью окончательно пришло в себя и заверещало, что есть мочи.

Конечно, напугать мёртвого криком не получится, я не уверен, что у них вообще есть слух в привычном нам понимании, но тут было важно, чтобы у нас от этого крика кровь забегала, чтобы нам резануло по нервам, и чтобы от этого крика проснулась в нас ярость и тогда, барахтающихся и кричащих, нас выкинет вверх.

Но не выкидывало. Я даже колебания подкладки не заметил: грань была натянута и прозрачна – швов не видать. А мёртвый шёл за нами, шёл медленно, но непреклонно. Мне не было

нужды оборачиваться: я слышал шуршание и поскрипывание пыли, я знал, что он идёт за нами след в след и не остановится, а вот девчонка обернулась. Я это почувствовал по рывку её руки, она как будто собиралась вырвать её из моей. Видимо, девочки не могут кричать просто так – им непременно надо прижать ладони к лицу или сжать кулаки. И еще ее голос изменился: теперь вместо визга я услышал булькающие звуки – она посмотрела ему в рот и столб пыли поднялся от её ног вверх, к её голове. Дело было совсем плохо – надо было её бросать – он не отпустит её теперь, пока не переломает ей скелет и не высосет её внутренности. Я видел такое однажды: мёртвый схватил свою жертву и того стало сминать, как надувную куклу. Только куклы сохраняют равнодушное тупое выражение своего нарисованного лица, а тому человеку было очень больно: он не мог кричать, но я видел его крик. Именно видел. Это страшно, когда изогнутый, сломанный рот беззвучно кричит. Боль и страх. Обычно человек испытывает либо то, либо другое, но иногда он чувствует боль и ужасается тому, как безгранична она может быть.

Девчонка не только прекратила бежать, но ещё и сопротивлялась, когда я пытался тянуть её за собой.

– На меня смотри, а не на него! – заорал я. – Хочешь, чтобы я оставил тебя ему?

В её глазах появился ужас – видимо, она вспомнила его черный беззубый рот. Тогда я размахнулся и влепил ей по тому месту, где у неё, по моим расчётам, должна была быть задница. Звук превзошел мои ожидания и хлопок, несвойственный для этих мест, оглушил меня своей чистой и высокой нотой.

– Ай! – взвизгнула она и топнула ногой.

Барышня – есть барышня.

Я рванул её за руку, и мы снова побежали.

– Не смотри на него, – бормотал я. – Не смотри в его глаза или на его рот. Не смотри в его сторону, не смотри туда, где он может появиться. Вообще не смотри в какую-то конкретную точку – здесь не на что смотреть: только беглым взглядом, не всматриваясь, краем глаза и тут же отводи глаза в другую сторону.

"А там, всё наоборот." – хотел добавить я, но не стал.

Кто его знает будет ли ещё – это "там". Мы бежали с горки и пока нам это помогало, но через некоторое время она закончится – это я знал точно и нам придется подниматься. Пыль заполнила только те места, которые недавно изменились: сломанные дома, застроенные пустыри, снесённые гаражи и прочее, а вот то, чему еще предстояло умереть, она огибала, как вода, петляющая между холмами и возвышенностями. Видимо поэтому я так люблю старые дома, замки и средневековые крепости – пережив своё время их стены по-прежнему сдерживают смерть.

Девочка быстро уставала, я это чувствовал по её тяжелому дыханию, и если мы не сможем, как можно быстрее уйти наверх, то она остановится, а это значит, что не переживет ночи. От мертвых нет спасения: они не знают усталости, не меняют цели, не забывают и единственный наш шанс – это вынырнуть наверх, но сами мы не можем это сделать, надо чтобы материя стала подвижной, а пыль была спокойна и равнодушна.

Спуск закончился, бежать стало сложнее и девочка стала совсем спотыкаться, у нее заплетались ноги и было понятно, что она вот-вот упадет. Я завертел головой, ища укрытие, где можно было бы забаррикадироваться или спрятаться. А сверху по пустой дороге, прямо по её середине, в нашу сторону шёл мертвый. Он выглядел очень высоким, и даже с того места где мы находились, а это было не менее пятидесяти метров, я отчетливо видел его лохмотья, его длинные седые космы и три черных провала на его стального цвета лице: беззубый открытый рот и два черных круга за которыми не было глазных яблок. Как же мне хотелось, чтобы это был сон. Я задыхался от усталости и страх приближающейся смерти заставлял моё сердце колотиться так, что оно то поднималось к самому горлу, то с размаху било меня по

яйцам и меня так и подмывало лечь на асфальт и скуля валяться в ногах у моего мучителя. Но только одна мысль на самом краю моего почти померкнувшего сознания, удерживала меня на ногах: “Он не услышит твоей мольбы – он глух”. Как только я только понял куда именно меня забросило, я предполагал бежать вниз по дороге, бежать достаточно быстро чтобы на уходящей волне выскочить наверх в свой мир, а если не получится, то спрятаться в одной из пятиэтажек – раньше я так и делал, но то ли я слишком долго был в колодце и упустил движение материи, то ли сама материя сегодня ведёт себя по-другому, но уйти не получалось. Теперь же передо мной было два пути: наверх к пятиэтажкам или направо, туда, где когда-то был учебный завод. Правда оба варианта были довольно паршивые, потому что территория завода мне практически незнакома, а до пятиэтажек не добежать. “Вот, собственно, и ответ” – подумал я и повернул направо. Повернуть-то я повернул и даже девчонка двигалась за мной довольно споро, но сразу же уткнулся в невидимый барьер. Нет, я точно знал, что пройти было можно, но где именно находился пролом в бетонной стене не помнил. Было темно. В пыли ведь не бывает настоящего дня, но когда солнце заходит наверху, то и здесь становится темнее, а единственным источником света остается сама пыль, которая словно бы обладает свойством фосфора: она не светит, а лишь очерчивает грани и в этой и в без того небогатой палитре остаётся только два цвета: серый и зелёный. Всё-таки я не выдержал и ещё раз посмотрел назад, девчонка повернула голову в том же направлении.

– Ой, мамочки! – завывала она жалобно и протяжно.

А я был с ней абсолютно согласен: высокая черная фигура, состояла из той же пыли, что и всё вокруг и теперь мёртвый весь светился этим серо-зелёным цветом. На ходу он широко размахивал руками и шаги его казались невероятно широкими. И только провалы рта и глаз оставались черными, но с бледно зелёными краями. Он был уже метрах в двадцати от нас и надо было торопиться. Надо было очень торопиться и мы побежали. Побежали оба, не сговариваясь и не понукая друг друга. Она даже направлении сама угадала: в самом углу забора за пыльными кустами виднелся черный край пролома. Мы нырнули в этот пролом.

Как всегда, в таких местах все было усыпано битым кирпичом, а также сломанными электрическими моторчиками – то ли их делали тогда на этом заводе, то ли как-то использовали, но еще в детстве мы лазили сюда именно за ними и за магнитиками из этих моторчиков. Все нам в детстве казалось нужным: эти магнитики, подшипники, стеклянные шарики, которые лихо подскакивали на асфальте. И мы лазили на стройки, заводы, крыши бойлерных. Падали оттуда, ломались и резались, поджигали всё что могли и хвастались потом порезами, переломками и нелепыми ненужными трофеями, вроде этих моторчиков. Как, наверное, хорошо было бы погулять по территории этого завода, по улицам между домами, которых теперь уже нет, вспоминать прошлое, воскрешать детские воспоминание, но здесь прошлое не воскресало – оно убивало, при чем убивало по-настоящему и очень жестоко.

– Куда нам?

Она смотрела на меня испуганно, но требовательно. Наверное, она полагала, что я точно знаю, что надо делать, куда бежать и где выход. А я ничего такого не знал и ничего, по большому счёту не мог: когда я оказался здесь впервые, мне повезло и продолжало везти и дальше. Но везения такая штука, на которую, видимо, действуют те же законы, если не физики, то жизни, как и на остальные явления в этой самой жизни – оно когда-нибудь заканчивается. И это когда-нибудь приходилось, кажется, именно на сегодня: вокруг были просто горы строительного мусора и заросли кустарника – спрятаться или запереться было абсолютно негде. Я бестолково вертел головой, и девчонка начала догадываться, что я в полной растерянности.

– Что делать? – пронзительно закричала она. – Он же идёт сюда! Что нам делать?

И от этого ли крика, или просто потому, что наступило положенное время, но я почувствовал дрожь материи. Подкладка начала топорщиться, а пыль с земли стала подниматься все выше и выше. Если бы раньше! Хотя бы на пять минут. А лучше на все пятнадцать минут

раньше. Я бы подхватил эту пигалицу на руки и помчался с горки как Бен Джонсон или даже Усэйн Болт, я бы бежал не сто метров с горки, а столько сколько бы тянулась эта дорога. И на горку бы побежал тоже и может быть ещё быстрее, только бы вырваться отсюда. Но теперь уже бежать было некуда. Да и сил тоже не было уже, а мертвый был: огромный косматый с длинными руками он влезал, пригибаясь в пролом и тянул одну руку в нашу сторону. А пыль уже поднялась до груди и дышать становилось все тяжелее и видно было все хуже и хуже.

– Сделай, что-нибудь, – заплакала девчонка.

И я покорно стал оглядываться в поисках чего-нибудь тяжёлого. Толку, конечно, не будет, но ничего не делать – ещё хуже, еще страшнее.

– Когда я его ударю, беги, – прокричал я, потому что шум пыли становился все сильнее.

Пыль скрипела, шипела и даже жужжала, производя геометрически строгие воронки и причудливые завихрения.

– Что?

Она и сама себя, наверное, почти не слышала.

– Спасайся сама, как умеешь. – сказал я вполголоса, и она поняла.

– Не надо! Давай вместе...

Но я уже не обращал на неё внимания – не было в этом смысла. Сейчас ни в чем не было смысла. Да и какой может быть смысл в том, что огромный мертвец тянет к тебе свою руку? Какой разум может это осознать? Чей мозг согласится участвовать в осмыслении этого. Это ведь не проходят в школе и институте, такое только показывают в кино, но там ты либо боишься, либо смеешься, если фильм не удался. Недалеко от своих ног я заметил кусок железной арматурины. Слишком длинной, чтобы фехтовать, но один раз с сильным замахом можно ударить. А второго удара, скорее всего и не будет.

Я взял эту тяжеленую железку и подумал, что она, наверное, тоже из пыли, как и всё тут, только почему-то очень тяжелая. И замахнувшись с отворотом корпуса со всей силы ударил, целясь в район его шеи.

Девчонка что-то кричала, но я даже не пытался разобраться, что она кричит. Я увидел, что бывает, когда в завихрениях пыли, пыль врезается в пыль. Зелёные искры вспыхнули у шеи мёртвого и его рот, и глазница тоже осветились зелёным светом. От удара его как-то мотнуло в сторону и как-то нескладно он опустился на одно колено, но не упал. Когда он начал подниматься, я решил, что надо попробовать ударить ещё раз, а может даже и не один, что надо продолжать его колотить, в расчёте, что что-то из этого да выйдет. Я было потянул железку на себя, чтобы размахнуться ещё раз и сильнее, но она не поддалась, как будто застряла в шее мертвого. Собственно, так примерно и было, только она была не в шее, а в его руке и он поднимался в полный рост держа железный прут в левой руке, а правую протягивая ко мне. И рот... Рот как будто вытягивался и тоже тянулся к моей голове.

Мне почему-то было не страшно. Вернее, я не думал о том, что со мной теперь и не ощущал ничего такого, я думал про то, что через несколько мгновений мне будет намного хуже и с какой-то отстраненностью наслаждался настоящим. То есть тем моментом, пока все еще не настолько плохо. Я даже голову поднял наверх. Поднял туда, где еще не поднялась пыль, а было только серо зелёное небо. И было это небо, наверное, даже красивым, и голые стволы деревьев, и словно вывернутые наизнанку дома...

– Туда! Да посмотри же ты! Что же ты замер? – кричал кто-то снизу.

И этот кто-то со всех своих небольших сил дернул меня за рукав свитера. Да сильно так дернул, что я, чтобы не упасть вынужден был сделать шаг назад и огромная черная рука пронеслась мимо. Через секунду он исправится и уже не промахнется, но этой секунды мне хватило, чтобы понять куда я должен смотреть, что я должен увидеть и как скоро я должен бежать. Совсем неподалёку небо очистилось от пыли. Совсем небольшой кусочек неба. И этот кусочек тут же наполнялся светом. Светом неясным, едва различимым, светом звезд и подступающего

апрельского рассвета. Но это был живой свет, и он ярко контрастировал с серой – зелёной фосфоресцирующей пылью.

Я бы и не добежал бы скорее всего – всю жизнь, которая во мне оставалась вложил в этот кусок арматуры, я все отдал мёртвому и сам стал почти таким же. Я бы не добежал, не смог бы, но девчонка тащила меня, орала, пинала землю и мои ноги с такой яростью, что мы-таки добрались до прорехи. Добрались и вывалились в неё.

Глава третья

Теперь мы были в Москве. А в Москве было часов шесть утра. И первым делом я вдохнул полной грудью наполненный сыростью, табаком, запахом помоек и выхлопных газов московский воздух: все правильно – мы наверху.

– Где мы? – спросила она меня.

– Не знаю, честно говоря. А это важно? Где-то в Москве. Ты же из Москвы? – уточнил я на всякий случай, но без всякого интереса.

Откровенно говоря, я предпочёл бы сейчас же расстаться со своей спутницей. А то, как она будет добираться до дома, и что она думает о произошедшем с нами сегодня, меня интересовало очень мало и казалось несущественным. Мы живы и это самое главное.

– У тебя всё лицо разбито. – сказала девчонка удивительно спокойно.

И я вспомнил о том, как меня избили и о том, что где-то в Москве теперь, наверное, валяется труп в спортивном костюме.

Где мы были? Я аж вздрогну, когда сообразил. А потом сам же себе и удивился: мы находились там, где и должны, – там, где когда-то был учебный завод “Чайка”, а теперь высотный жилой дом.

– Что это за район?

– Мы недалеко от метро “Каховская”, но она закрыта, а чуть дальше станция “Севастопольская” – это серая ветка. Ты где живёшь?

– Меня Ася зовут.– представилась моя спутница. А потом добавила. – Вообще -то Аня, но мне Аня не нравится, предпочитаю – Ася.

– А меня Менелай.

– Серьёзно?

– Нет, разумеется.

Я не хотел разговаривать, боясь, что сначала она станет задавать вопросы, а потом, того и гляди, у нее начнется истерика.

– Какая разница, как меня зовут? Там, – я показал рукой, – Вход в метро. У тебя деньги есть?

Она кивнула.

– Тогда прощай.

И не говоря больше ни слова, побежал в другую от метро сторону. Побежал и через несколько мгновений сообразил, что бегу той самой дорогой, по которой совсем недавно убегал от мёртвого. В самом этом факте ничего удивительного не было, поскольку мы расстались на перекрёстке и от метро вела именно эта улица, ещё потому, что мы были на этой улице там, в пыли и вышли в Москве на ней же. Так же я понимал, что мёртвый и пыль теперь недостижимы для меня или вернее я недостижим для них, что скоро взойдёт солнце, что уже теперь на этой улице можно встретить живых людей. Более того они уже теперь идут по ней...

Вдруг я с ужасом увидел какую-то высокую тень, выплывающую из сумрака дворов. Нет, почти сразу же я понял, что это просто ранний прохожий, спешащий на работу или куда-то ещё, но первоначальный страх сменила какая-то тоскливая духота, которая поселилась внутри меня и давила мне на сердце. За первым прохожим, я увидел ещё одного у магазина, потом ещё

одного вдалекеб все они напоминали мне мёртвых и казалось, что между этими двумя мирами не такая большая разница, тем более что и там, и там меня пытались убить.

– У тебя все лицо в синяках.

Она видимо побежала вслед за мной, а я отвлёкся и не заметил.

– Что это такое было?

Совсем молоденькая, блондинка с короткой стрижкой и в каком-то нелепом платке, поверх ещё более нелепой хламиды.

– Это палантин. – предупредила она, перехватив мой взгляд. – Это сейчас модно.

Я не остановился, но перешел на шаг. Убежать от нее я все равно, видимо не смогу.

– Ты можешь объяснить, что произошло? – потребовала она и дернула меня за свитер.

Я притормозил, оглядел зачем-то свитер, который уже так вытянулся, что сам напоминал мешок из-под картошки с дыркой для головы, подумал, что вид у меня хуже, чем у бомжа, и долго выдохнул. Получилось, как-то нарочито.

– А, по-моему, законный вопрос. – настаивала барышня. – Я здорово перепугалась. Понимаешь, я сегодня впервые абсент попробовала, а говорят, что его на поляни настаивают и что он как наркотик. Сама-то я наркотики не принимаю никогда. Ну, один раз мне предлагали, и я только ... Ну, просто затянулась, закашлялась... Не понравилось. Я про польнь-то знала, но я думала, что это раньше, что сейчас уже так не делают давно. Потом подумала, что может это Виталик. Ну, он много раз подкатывал, и я его отшивала, а теперь он может мне подсыпал чего, чтобы я ... Ну, отключилась типа, а он того, чтобы со мной... Но я ... Я ушла, короче, еще до того, как оно подействовало.

– Руки покажи! – рявкнул я.

Она здорово так удивилась и я, не дожидаясь согласия, сам попытался закатать ей рукава, но запутался в её немыслимой и бесконечной одежде и рукавов так и не нашел.

– Ты чего? – как-то опешила она, но без обиды. – Да, ладно. Я сама покажу. Делов-то. Руки же, не сиськи. Пожалуйста.

У нее это получилось, на удивление быстро и я уставился на ее тонкие белые предплечья. Ни уколов, ни порезов на них не было. Кожа была чистая, хотя в синяках. Впрочем, синяков, скорее всего, наставил ей я.

– Ну чего, убедился? – она опять спрятала руки в свою хламиду, укрыла их огромным платком, больше похожим на плед или скатерть и уставилась на меня своими здоровенными глазами.

"Сколько ей лет, интересно" – подумал я.

А ещё я подумал, что не хочу ей ничего рассказывать. Но еще больше я не хочу её больше видеть ни здесь, ни там в пыли. И если бы мы теперь просто расстались, то она бы забыла все произошедшее с ней этой ночью и больше бы это с ней никогда не повторилось.

И я просто развернулся и пошёл. Пошёл в сторону дворов своего детства. Пошёл не потому что хотел воспоминаний или поддержки этих дворов, не для того чтобы удостовериться в реальности этого мира, а просто потому что устал и даже дорогу выбирать у меня не было желания.

– Куда ты?

"Как это всё пошло, банально и картинно" – думал я про себя: "Как в кино"

– Я не буду за тобой бегать! – заявила она, но продолжила идти рядом.

Так мы и шли мимо дома, в котором я когда-то жил, шли над подземной парковкой, где раньше гуляли собачники, мимо сумасшедшего дома. Впрочем, дом скорби никуда не делся и по-прежнему из окон смотрели на меня безумцы. И казалось мне, что смотрели они понимающе: "Мы-то тебе верим" – говорили их глаза, – "Мы-то всё видели"

– Я не могу тебе всего объяснить, потому что сам почти нечего не знаю. Да и не уверен, что вообще стоит объяснять... Но я, наверное, должен предупредить, что ли... Мне кажется,

что туда попадают не случайно, что есть какая-то закономерность. И неудачные самоубийцы – это, так сказать, группа риска. Поэтому я захотел посмотреть твои вены. А ещё депрессия, отчаяние, страх и ... не знаю. Все это может послужить толчком, чтобы оказаться в том мире. Я называю его пыль. Ну, ты сама, наверное, поняла почему. Я это говорю, чтобы ты знала. Просто...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.